

1

Я не могу оторвать взгляд от твоих рук, покоящихся поверх больничного одеяла. Они прозрачны, как папиросная бумага. Похожи на корни, упавшие в лоно ручья. Я помню, какими они были живыми и теплыми, и их несколько не портил торчащий вбок искореженный указательный палец на одной из них. Ты смеялся, называя себя «королем ожогов». Конечно, у тебя в кармане фартука всегда имелась какая-нибудь прихватка, но ты забывал о ней, когда нужно было моментально снять с огня сковороды, в которых ты пальцами переворачивал телячьи отбивные и филе окуня. Ты обжигался, но не обращал на это внимания, опуская пальцы в кипящее масло или руками подцепляя с противня румяные пирожки.

Ты говорил, что, обжегшись во второй раз, всегда забываешь о первом, дескать, этому ты научился у одного старого булочника, когда был еще пареньком и ходил у того в учениках. И ты смеялся, позволяя мне трогать твои застарелые шрамы. Еще мне нравилось играть с верхней фалангой твоего указательного пальца, узловатой, как виноградная лоза, и я хотел, чтобы ты снова и снова рассказывал мне историю о том, как получил травму. Ты говорил, что был тогда не старше меня. Сидел за столом, куда твоя мама только-только поставила мясорубку, чтобы приготовить фарш для мясного террина¹. Ты обожал эту чугунную штуковину, и мать, закладывая в нее кусочки свинины, разрешала тебе крутить ручку. Но однажды она куда-то ушла, и ты засунул в мясорубку указательный палец. Нужно было бежать за доктором, тот жил за городом, а потом ехать с ним обратно на его колымаге. Врач осмотрел твой палец. В то время никто и не думал, что врача можно о чем-то спрашивать. Он велел твоему отцу выстругать из тополя две дощечки. Ты крепко стиснул зубы,

¹ Кушанье из овощей, мяса или рыбы, нечто среднее между запеканкой и паштетом. *Здесь и далее — прим. перев.*

когда доктор фиксировал между ними твой палец. Потом он скрутил дощечки фланелевым кушаком твоего отца и ушел, пообещав навеститься к вам через месяц.

Когда он снял дощечки, верхняя фаланга на твоём указательном пальце, таком розовеньком, торчала влево. Доктор сказал, что палец удалось спасти, но теперь, по всей видимости, тебя не возьмут в армию. Твой отец нахмурился и заявил, что ты, как все, пойдешь служить. Рассказывая мне об этом много лет спустя, ты качал головой и вздыхал: «Знал бы он, что я потом более полутора лет буду тянуть лямку в Алжире».

Ногтем своего деформированного пальца ты скреб донышки кастрюль, говоря, что так очень удобно вычищать труднодоступные места. Я помню твой указательный палец на ручке ножа, на кондитерском мешке... Ты всегда так старался, как будто выпускной экзамен сдавал. А сейчас я приподнимаю этот палец, и он кажется мне таким легким и крохотным, как куриная косточка. Мне часто хотелось нажать тебе на палец, чтобы он выпрямился. Сейчас я от одной этой мысли прихожу в ужас. Нет, я не могу так с тобой поступить! И даже если бы ты уже

умер, я бы не сделал такого. Потому что я до сих пор помню, как кто-то в начальной школе рассказывал историю про отца одного нашего приятеля, похоронных дел мастера. Он попытался выпрямить ногу покойника, когда того обмывали. Однако истончившаяся из-за рака нога сломалась, и похоронных дел мастера выгнали.

Я снова касаюсь твоих рук. Я бы так хотел, чтобы ты ими пошевелил, хотя бы чуть-чуть. Но они похожи на деревянные лопатки, которые ты развешивал над плитой после приготовления с их помощью картофельных драников. Я ищу в прикроватной тумбочке туалетную воду, которую подарил тебе на Рождество, — «Pourunhomme»² марки Caron. «Увидите, для месье в его возрасте очень подойдет», — сказала мне продавщица на Лионском вокзале.

Утром двадцать пятого декабря я побрил тебя, и ты задержал мою руку со словами:

— Это что такое?

— Пахучка.

— Никогда не пользовался.

Ты согласился, чтобы я капнул тебе пару капель на шею, но проворчал:

² Для мужчины (*фр.*).

— Повар не душится. А то нос испортишь и вкусовые рецепторы. — Принюхался и бросил: — Чего я только ради тебя не сделаю!

Я смачиваю ладони туалетной водой и осторожно массирую тебе руки.

Три дня назад после работы мне не спалось. Я решил прокатиться на своем фургончике в центр города. Закурил «Кэмел» и поставил песню «No Quarter» Led Zeppelin, «Твой шум», как ты говорил. Ночь была холодной, улицы пустынными. Я уже было собрался поехать выпить пива в кофейню «Ла Пэ», но вдруг мне захотелось увидеться с тобой. Я погнал к больнице, ввел код на домофоне отделения паллиативной терапии, полученный от Флоранс, дежурной медсестры. Коридор был погружен в оранжевый полумрак. Сквозь приоткрытую дверь в палату в свете ночника я увидел забавную игру светотени, которую ты создавал руками, лежа с закрытыми глазами. Ты потирал руки, как будто готовил песочное тесто для лимонного пирога из раздела «Десерты» в твоём меню. Потом ты раздвигал пальцы и резко щипал воздух. Может быть, ты старался убрать с пальцев прилипшие кусочки теста? Я присел на край кровати и, глядя на твои руки, прошептал:

— Папа, ты не растерял мастерства.

Ты не ответил, но я очень надеялся, что ты меня услышал. Я почувствовал приближение мягких шагов.

— Что он делает? — тихо спросила сестра Флоранс, входя.

— Тесто замешивает. Я думал, что песочное, а на самом деле хлеб. Видите, снимает налипшие на пальцы кусочки.

— Его движения прекрасны.

— Когда он покинет нас?

— Это решать только ему.

2

Этим вечером у меня в ушах все еще звучат слова сестры Флоранс. Сегодня суббота, у нее выходной день. До того как ты три недели назад впал в кому, вы с ней много беседовали о стряпне. Ты описывал ей свои любимые блюда — яйца в мешочек со сморчками в молодом вине и персики в сиропе. Она была в восторге от твоего рассказа о приготовлении кнелей из рыбного фарша. Ты отрицательно качал головой, когда я говорил, что она заигрывает с тобой, чтобы ты раскрыл секреты рецептуры.

— Ни ей и никому, — вот что ты повторял, посмеиваясь.

Флоранс относится к тебе с искренней нежностью. Я чувствую, она переживает из-за того, что ты надолго остаешься в одиночестве. Она

закрывает глаза на мое поведение вот уже полгода — с момента твоей госпитализации.

— Жрать невозможно! — заявил ты, когда тебе в первый раз принесли больничную еду.

Тогда я притащил тебе «перекус», как ты того потребовал. Аккуратно расстелил красную клетчатую скатерть на кровати. Я готовил то, чего тебе хотелось, — картофельный салат из тертого сельдерея, запеченную ветчину, селедку в масле с картошкой, паштет. И обязательно приносил увесистый кусок сыра — *конте* 24-месячного созревания, *эпуас*, *сен-марселен*. Ты даже попросил *иль флотант*³, а потом заявил, что я положил туда «слишком много ванили». А еще я пронес в рюкзаке «капельку винца» и стакан. Ты заказал красного, терпкого, с фруктовыми нотками.

Перед тем как твое сознание нарушилось, я в очередной раз притащил тебе перекусить — яблочное пюре с чуточкой корицы и лимонной цедры. Ты уже не мог разговаривать. А потом уже ничего и не ел. Тебе вливают смесь гипновеля и скенана, седативного препарата и морфина. А ведь ты всегда говорил: «Если когда-нибудь

³ Десерт, состоящий из меренги и английского крема.

ты узнаешь, что мне кранты, всё закончится быстро». Я и представить не мог, как долго ты будешь умирать.

Как-то вечером я спросил Флоранс:

— Почему он так цепляется за жизнь?

Она очень долго молчала, а потом ответила:

— Может быть, он оставляет вам время попрощаться?

Меня смутила эта фраза, и с тех пор она не дает мне покоя. Иногда я чувствую вину из-за того, что ты в коме. Я говорю себе, что ты не можешь уйти, потому что я переживаю, страдаю и заставляю страдать тебя. Как-то, наклонившись, я хотел сказать тебе на ухо: «Папа, уходи, если хочешь», но не смог.

Я приподнимаю больничную пижаму, чтобы протереть твоё тело туалетной водой, и вижу, как испещрена сосудами кожа, — кажется, что кровь уже не бежит по венам. Ты умрешь сегодня ночью. Такая уверенность появилась у меня утром во время приготовления слоев с мясной начинкой для праздничного ужина к Дню святого Валентина. Завсегдатаи заказали эти слойки, потому что ты всегда подаешь их на 14 февраля.

Приготовив слоеное тесто, я разделил его на две части, раскатал и вырезал кружочки для

слоек. Затем сделал фарш, начинил им слойки и смазал их желтком. Однако, когда я вытащил противень из духовки, результат меня разочаровал: слойки недостаточно поднялись. Я не знал, нужно ли еще подержать их в духовке. Мне хотелось бы, чтобы ты был рядом и помог советом. Я открыл окно, закурил сигарету, потягивая кофе; утро было туманным и морозным. Я понял, что ты больше никогда не вернешься и не поможешь мне на кухне.

Ты учил меня готовить не по рецепту. Вернее, не так, как это преподают на курсах. Ни тебе записей, ни количества, ни состава, и я должен был стараться все делать на глазок, следуя за твоим рассказом. Когда ты говорил «положи соли», я переспрашивал: «Какой соли? Сколько?» Ты сердито закатывал глаза, тебя раздражали мои вопросы. Ты резко хватал меня за руку, сыпал мне в ладонь немного крупной соли:

— Вот так, кладешь в ладошку, чтобы измерить количество. Это же несложно, так можно все отмерить.

Когда ты произносил «столовая ложка муки», я должен был сам догадаться, с горкой или без. Мне никогда не удавалось добиться от тебя,

сколько времени должно готовиться то или иное блюдо. Ты сердился:

— У тебя есть нож и глаза на месте. Этого совершенно достаточно, чтобы понять, готово или нет.

Тем утром, варя креветки, я снова задумался о том, куда ты мог спрятать тетрадь с рецептами. Я часто думаю об этой тетради. Иногда, когда я думаю о готовке, тут же всплывает мысль о тетради. Как-то я раздумывал, чем бы начинить запеченную курицу, и вдруг вспомнил, что иногда ты фаршировал ее кусочком сыра *пети-сюис*. Перед глазами встала картинка из детства — воскресенье, вы с мамой полулежите в кровати. Она покусывает карандаш, у нее на коленях тетрадь. Я чувствую, как тебя раздражают вопросы, которые мама тебе задает, хитро постукивая пальцами по чашке с кофе:

— Ну, шеф, что там с фаршем для курицы?

Ты закатываешь глаза. Ты ненавидишь, когда тебя называют «шефом». Упираешься взглядом в свою чашку и бормочешь:

— В куриную жопку надо засунуть кусочек сыра.

Сколько раз я вспоминал, как ты это делаешь, пока в сомнениях смотрел на свои кастрюли!